
Выступление Министра иностраннных дел России С.В. Лаврова в МГИМО 1 сентября 2011 г.

*Уважаемый Анатолий Васильевич,
Уважаемый Евгений Петрович,
Уважаемые коллеги, друзья!*

Поздравляю всех с началом нового учебного года. Особые поздравления – тем, кто сегодня начинает свою студенческую жизнь в этом замечательном Университете.

В нынешнем году поступление в МГИМО далось особенно нелегко – столь высокие «проходные баллы» стали неожиданностью не только для абитуриентов, но и для членов приемной комиссии. Получается, что так называемый «демографический спад» не повлиял на рейтинг Университета, который по-прежнему притягивает лучших выпускников российских школ. Приятно отметить, что и в условиях реформирования системы среднего и высшего образования МГИМО сохраняет позиции одного из наиболее авторитетных учебных и научных центров, при этом МГИМО умудряется сочетать элитарность с демократичностью: в этом году в наш Университет поступили юноши и девушки из 73 регионов России.

Как человек, почти четыре десятилетия посвятивший внешнеполитической работе, могу с уверенностью сказать, что профессия дипломата и вообще специалиста-международника никогда не была столь интересной и ответственной, как сегодня. Многократное повышение сложности и расширение спектра вопросов, которые являются предметом международных отношений, поворотный характер нынешнего этапа мирового развития предъявляют особые требования к людям, которые находятся на острие работы по определению контуров новой международной системы. От уровня их подготовки, от их способности грамотно ориентироваться в информационных потоках, правильно и оперативно оценивать меняющуюся ситуацию во многом зависят способности того или иного государства укреплять свои позиции и обеспечивать себе достойное место в мире. Сегодня трудно переоценить значение трезвого, обоснованного анализа тенденций в глобальной обстановке, способность видеть на несколько ходов вперед, генерировать свежие идеи.

«Качество» профессионалов, отстаивающих интересы своей страны в их самых разных преломлениях на международной арене, – важный компонент «мягкой силы», без которой трудно обеспечить авторитет и влияние государства. Хотел бы высказать признательность руководст-

ву и профессорско-преподавательскому составу МГИМО за умение идти в ногу со временем, находить инновационные подходы к образовательному процессу, вносить весомый вклад в работу по изучению все более многомерной и сложной динамики международных отношений.

Мне бы не хотелось превращать сегодняшнюю встречу в рассказ о достижениях нашей внешней политики. Они, безусловно, есть. Россия последовательно укрепляет свои позиции на мировой арене. Реализуются интеграционные проекты на пространстве СНГ. Углубляется модернизационное и внешнеполитическое взаимодействие в рамках стратегического партнерства с ЕС. Достигнуты прорывные договоренности с США в целом ряде областей. Углубляется стратегическое взаимодействие с Китаем, Индией, в формате БРИКС. В Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке растет число наших партнеров. Россия пользуется авторитетом и уважением в ООН, выдвигает инициативы по развитию международного права, участвует в многочисленных многосторонних механизмах сотрудничества, укрепляющих ткань сетевой дипломатии в контексте формирования более справедливого и демократического полицентричного мироустройства.

Обо всем этом можно долго рассказывать. Но сегодня хотелось бы поговорить о проблемах, с которыми сталкивается международное сообщество, о том, что пока не решено.

В текущем году на передний план вышли процессы на Ближнем Востоке и Севере Африки. Их движущей силой стало стремление арабских народов к лучшей жизни через обновление своих стран, через переустройство политических систем, сложившихся совсем в другую эпоху. Россия поддерживает эти устремления, направленные на поиск демократической модели, адекватной цивилизационным традициям и уровню развития общества, с опорой на верховенство закона в интересах обеспечения социально-экономического благополучия и политических прав и свобод граждан. При этом мы лучше, чем многие, понимаем, что революции – а именно этот термин часто используется для описания событий в арабском мире, – редко проходят гладко и беспроблемно. Как правило, это – болезненный процесс, зачастую связанный с откатом назад в социально-экономической ситуации и чреватый вспышками насилия.

■ Выступление Министра иностранных дел России

Не хотелось бы, чтобы внешняя политика подчинялась логике мировых революций. Этим пытались заниматься и Троцкий, и неоконсерваторы. Ни к чему хорошему это не привело.

И здесь особенно важна роль внешних «игроков», их способность проявить ответственность, поставить во главу угла не желание урвать геополитические выгоды для себя, а необходимость помочь сторонам внутренних конфликтов разрешить проблемы мирно, путем переговоров с участием всех значимых политических, конфессиональных и этнических групп. Не должно быть места «двойным стандартам», диктуемым политической конъюнктурой или субъективными предпочтениями тех или иных держав.

Трудно, например, понять, почему в Йемене, где продолжается серьезный вооруженный конфликт, все члены международного сообщества совершенно обоснованно стараются содействовать поиску компромисса между властями и оппозицией, в то время как применительно к ситуации в Сирии целый ряд влиятельных стран настойчиво провоцируют оппозицию на бойкот приглашений к национальному диалогу, на нагнетание конфронтации, на отказ даже обсуждать пусть запоздалые, но всё же вполне реальные реформы, которые предлагает президент Б. Асад.

Разумеется, применение силы против гражданского населения неприемлемо и недопустимо. Мы четко сформулировали эту позицию, в том числе при принятии Советом Безопасности ООН специального заявления по сирийскому вопросу и двух резолюций по Ливии. Россия никогда не оправдывала бывший ливийский режим. Еще в мае Президент Д.А. Медведев твердо заявил, что Каддафи должен уйти. Однако то, как осуществлялись «ливийские» резолюции членами НАТО и некоторыми другими государствами, означало грубое пренебрежение принципом верховенства права, игнорирование инициатив Афросоюза и ООН, умножало число жертв среди мирных граждан. А ведь именно защита гражданского населения являлась главной задачей, поставленной в резолюциях СБ, выполнять которые вызвался Североатлантический альянс.

Нельзя вершить правосудие методами беззакония. На заре советской власти руководители ВЧК были убеждены, что цель оправдывает средства и поэтому лучше расстрелять 10 невинных, чем упустить одного виновного. Очень надеюсь, что эта «логика» навсегда осталась в прошлом.

Опыт Ирака, Афганистана, да и той же Ливии красноречиво свидетельствует о том, что, в конечном счете, только сами народы могут определять судьбу своих стран, а вооруженное вмешательство извне во внутренние конфликты создает риски для раскручивания спирали противостояния в соответствующих частях мира. Если случаи подобного проецирования силы будут множиться, то в международных отношениях возникнет реальная угроза хаоса. Применительно же к Ближнему и Среднему Востоку можно смело утверждать, что подобный сценарий, помимо

прочего, будет отбрасывать все дальше и дальше назад перспективу урегулирования палестинской проблемы, нерешенность которой служит мощным источником подпитки экстремистских настроений в регионе.

Сегодня в международных делах ощущается острая потребность в стабильности, способности обеспечить условия для устойчивого поступательного развития. Большинство государств стоят перед необходимостью в той или иной форме дать ответ на модернизационный вызов. Россия со всей определенностью поставила свою внешнюю политику на службу долгосрочному развитию и комплексной модернизации экономики и общества. Мы создаём взаимовыгодные модернизационные партнерства – как на двусторонней, так и на многосторонней основе – с Европой, США, странами АТР и других регионов.

Последствия глобального финансово-экономического кризиса далеко не преодолены, сохраняется угроза серьезного замедления темпов роста мировой экономики. Все говорит о том, что причин для самоуспокоения нет и попытки замотать принятые ранее в «Группе 20» решения о глубокой реформе международной валютно-финансовой системы крайне опасны. Скоординированные усилия «двадцатки» не должны ослабляться, их следует сделать транспарентными и понятными для других стран, в частности, через механизмы ООН.

Многих аналитиков в Европе и США беспокоит, что политическая система оказывается неспособна к принятию трудных решений, необходимых для обеспечения посткризисного восстановления. Говорят о нехватке интеллектуальной смелости, о неготовности посмотреть в лицо реальности, в том числе в связи с непомерно раздутыми государственными долгами («Экономист», 30.07 – 05.08.2011). Нам это все не безразлично, поскольку взаимозависимый мир устроен так, что и успех, и неудача в усилиях по оживлению экономики и оздоровлению финансов могут быть только общими.

Русские философы конца XIX–первой половины XX века – Константин Николаевич Леонтьев, Николай Александрович Бердяев, Иван Александрович Ильин, – размышляли о предстоящем в ту пору обновлении культур и цивилизаций. С этим перекликаются ведущие сейчас интенсивные дискуссии о трансформации обществ в радикально изменившихся геополитических условиях.

Осмысление происходящих в мире перемен – задача, которая требует сложения аналитического потенциала всего международного сообщества. В качестве одной из авторитетных дискуссионных площадок утвердился Мировой политический форум в Ярославле, где собираются представители международной интеллектуальной элиты. Очередное заседание Форума состоится через несколько дней с участием Президента Д.А.Медведева.

Тема Ярославского форума – «Современное государство в эпоху социального многообразия»

– является остроактуальной. Ведь к факторам, генерирующим международную нестабильность, все более отчетливо добавляются проблемы межнационального, межкультурного, межцивилизационного характера. Это подтверждают и ставшие уже хроническими проблемы с «мультикультурализмом» в Европе, и недавний чудовищный теракт в Норвегии, и участвовавшие после начала «арабской весны» случаи насильственных действий против христианских меньшинств в ходе так называемых революций в странах Ближнего Востока.

В такой ситуации «раскачивание лодки» в международных отношениях через попытки использовать, а то и разжигать в конъюнктурных интересах внутригосударственные конфликты может иметь катастрофические последствия.

Ответ на вопрос о том, как избежать подобного нежелательного развития ситуации в глобальных и региональных делах, для нас очевиден. Необходимо выстраивать все без исключения действия на международной арене на основе строгого следования нормам и принципам международного права. В том, что касается внешнего силового вмешательства, оно возможно исключительно в соответствии с Уставом ООН – либо по решению Совета Безопасности, либо в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону. Когда Совет Безопасности ООН принимает решения о миротворческих или миропринудительных операциях, их мандат должен быть недвусмысленно ясным и исчерпывающим в отношении целей и участников операции и, особенно, в отношении пределов применения силы. Россия озабочена, чтобы впредь это было именно так.

Принципы уважения демократии и верховенства права должны утверждаться не только внутри государств, но и на международном уровне. Вроде бы, очевидная вещь. Однако возникает ряд вопросов, связанных с готовностью ведущих мировых игроков уважать общие для всех нормы международной законности и правила поведения.

Сегодня весьма актуальна проблема соотношения между коллективными и односторонними действиями. Одно из ее проявлений – различия в подходах к финансово-экономическим санкциям, применяемым для воздействия на те или иные режимы с целью убедить их выполнять свои международные обязательства. Все чаще возникают ситуации, когда СБ ООН, порой путем сложных и длительных переговоров, вырабатывает четко выверенные решения о введении таких санкций, а затем США, Европейский союз и некоторые другие страны объявляют свои дополнительные санкции сверх того, о чём договорились.

Это некорректно, не по партнёрски. Достигнутое в коллективных рамках согласие должно уважаться всеми как общая позиция, из которой нельзя ни вычитать, ни добавлять к ней что-либо по собственному усмотрению. Если кто-то твердо решил действовать самостоятельно, то

зачем обращаться в ООН? Зачем призывать к согласованию солидарных подходов, одновременно намереваясь нарушать эту самую солидарность?

Говоря об односторонних действиях, нельзя не коснуться темы НАТО и понимания альянсом своей миссии в современном мире. Ценим сформулированное в стратегической концепции НАТО и подтверждаемое ее руководителями положение об уважении международного права и прерогатив Совета Безопасности ООН. В то же время реальные шаги НАТО не всегда соответствуют этому принципу, как все могли убедиться на основе «ливийского опыта». В более широком плане проблема проявляется в продолжающихся дискуссиях на тему поиска Североатлантическим альянсом своей новой миссии в международных отношениях.

В подготовленном в НАТО докладе «Гарантированный доступ к всеобщему достоянию» рассматриваются – пока, правда, лишь теоретически – возможности действий альянса по обеспечению своих интересов в мировом океане, «открытом небе», космосе, киберпространстве. Но ведь все это – сферы интересов не только членов НАТО, а всего мирового сообщества, и решать о том, как эти сферы регулировать, надо сообща.

Можно ли представить ситуацию, когда, допустим, в каком-нибудь американском поселке группа домовладельцев, объединившись, стала диктовать всем остальным жителям правила поведения, не особенно сообразуясь при этом с законом? Ясно, что власти немедленно пресекли бы подобные поползновения. Так и в международных делах необходимо избегать односторонних подходов.

Да, в упомянутых сферах еще существует немало правовых лагун, и их надо заполнять, но для этого есть универсально признанные структуры в системе ООН, занимающиеся развитием международного права. Россия участвует в коллективной работе, внесла целый ряд инициатив, направленных, в частности, на укрепление доверия и неразмещения оружия в космосе, обеспечение международной информационной безопасности в киберпространстве, участвует в механизмах практической реализации Конвенции по морскому праву.

Философия совместной работы – это основа современной российской дипломатии. При этом принципиальное значение имеет единство слова и дела.

Особое внимание по понятным причинам мы уделяем ситуации на евроатлантическом пространстве. В ноябре прошлого года в Лиссабоне главы государств-членов Совета Россия-НАТО единодушно заявили, что наше сотрудничество должно опираться на фундамент равной и неделимой безопасности, предсказуемости, транспарентности, взаимного уважения, учета интересов друг друга. На высшем уровне было подтверждено стремление к построению стратегического партнерства в Евро-Атлантике на пространстве от Ванкувера до Владивостока. Теперь требуется убедиться, что

■ Выступление Министра иностранных дел России

эти принципы последовательно воплощаются на практике. Политических заверений, как показала жизнь, оказывается недостаточно. Были, например, заверения, что НАТО не будет расширяться на Восток, их судьба известна. Затем было обязательство НАТО не размещать существенных боевых сил на территориях новых стран-членов, но мы до сих пор не можем получить разъяснений, как оно согласуется с продолжающимся продвижением военной инфраструктуры альянса на Восток.

Сейчас эта инфраструктура пополняется компонентами европейского сегмента глобальной системы ПРО США. Напомню, что ещё в июле 2009 года президенты Д.А. Медведев и Б. Обама договорились предпринять совместные усилия в сфере противоракетной обороны, начиная с общего анализа вызовов и угроз. Мы внесли конкретные предложения о параметрах такой совместной работы. Последовали длительные консультации как в двустороннем формате, так и в рамках Совета Россия-НАТО. К сожалению, к договоренностям они пока не привели, а тем временем ЕвроПРО создается в тех параметрах, которые определил Вашингтон и которые к концу десятилетия могут создать угрозу для российских стратегических ядерных сил. При этом гарантии ненаправленности американо-натовской системы ПРО против России нам давать не хотят.

Военные эксперты прекрасно понимают, что ничем не ограниченное наращивание одной стороной возможностей ПРО потребует от другой стороны компенсационных действий, чтобы обезопасить свой потенциал стратегического сдерживания. Трудно не согласиться с мнением бывшего начальника штаба командования ПРО и космоса сухопутных войск вооруженных сил США генерала Кевина Райана (в комментарии в «Интернешнл Геральд Трибюн») о том, что, создавая противоракетный потенциал без достижения согласия с Россией, США рискуют увеличить ту самую опасность, ради снижения которой этот потенциал разрабатывается, не говоря уже о масштабах политических издержек.

Выдвинутая в 2008 году Президентом Д.А.Медведевым идея заключения юридически обязывающего Договора о евробезопасности преследовала цель кодифицировать принятые еще 10 лет назад в ОБСЕ и СРН политические декларации о том, что ни одно государство в Евро-Атлантике не будет обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других. Западные партнеры говорят нам: «Ведь мы этот принцип уже продекларировали! Зачем юридические обязательства? На случай какого развития событий?».

Ответ на этот вопрос как раз и содержится в ситуации вокруг противоракетной обороны. По сути, она стала реальной проверкой на искренность дававшихся нам обещаний о том, что на евроатлантическом пространстве будет обеспечена неделимая и равная безопасность. С точки зрения России, абсолютно необходимо обеспечить уверенность в том, что никакие действия в военной

области не направлены против какого-либо государства в Евро-Атлантике. Иначе мы будем возвращаться к идеологическим стереотипам XIX или XX столетия, что было бы большой ошибкой перед лицом глобальных вызовов, угрожающих всем членам мирового сообщества.

Сегодня одно из наиболее заметных проявлений перемен в мире – смещение центра мировой экономики, а вслед за ней и глобальной политики, в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Еще 20 лет назад вряд ли кто-то мог предположить, что Китайская Народная Республика станет второй экономикой мира, а страны, входящие в объединение БРИКС, будут в совокупности обеспечивать около половины глобального экономического роста. Нельзя рассчитывать на устойчивость миропорядка, не учитывая интересы новых центров экономической и финансовой мощи и не опирающегося на универсальные «правила игры». Мир становится полицентричным, и он уже не приемлет чьих-либо претензий на исключительность, на роль представителя высшей и единственно правильной формы человеческой цивилизации.

Задача обеспечения не на словах, а на деле, равной и неделимой безопасности актуальна не только в Евро-Атлантике, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где, кстати, тоже создается инфраструктура глобальной системы американской ПРО. В этом регионе на повестке дня также стоит вопрос о согласовании всеобъемлющей архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на правовых и внеблоковых началах и учитывающей законные интересы всех государств. На достижение этой цели направлена совместная инициатива, выдвинутая в сентябре 2010 года лидерами России и Китая. Полагаем, что приблизиться к ее реализации можно через формирование партнерской сети с участием различных организаций и форумов, в пользу чего высказались члены Шанхайской организации сотрудничества. Рассчитываем, что продвижению в этом направлении будет способствовать механизм Восточноазиатских саммитов, к которому с нынешнего года подключаются Россия и США.

Логикой укрепления правовых начал в международной жизни, стимулирования коллективных подходов продиктована и российская инициатива о разработке Конвенции по обеспечению международной энергетической безопасности, которая обеспечивала бы баланс интересов всех вовлеченных сторон: экспортеров, импортеров и транзитных стран. Считаю, что пора приступать к предметным переговорам, тем более, что волатильность цен на энергетическое сырье выделяется экспертами в качестве одной из серьезных угроз, сдерживающих восстановление мировой экономики.

Активно и в различных форматах участвуя в усилиях по нормализации ситуации в мировой экономике, Россия уделяет особое внимание работе в рамках интеграционных объединений

на пространстве Содружества Независимых Государств, прежде всего ЕврАзЭС, Таможенного союза и создаваемого единого экономического пространства. При этом мы в полной мере учитываем, что развитие интеграционных процессов в различных регионах мира происходит на основе одних и тех же принципов: свободы передвижения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы. Гармонизация этих процессов органично вписывалась бы в объективную тенденцию формирования региональных «строительных блоков» будущей обновленной конструкции глобального управления. Поэтому не могут не вызывать удивления попытки представить как взаимоисключающие интеграционные программы стран СНГ и Европейского союза. Когда от наших соседей требуют определиться, с кем они – с Москвой или Брюсселем, это опять тянет нас назад в идеологические стереотипы прошлого века и противоречит совместным документам России и ЕС о взаимодополняемости интеграционных процессов на всем европейском пространстве.

«Идеологические тормоза» проявляются и в упорном нежелании НАТО откликнуться на многократные предложения ОДКБ наладить практическое взаимодействие в борьбе с афганской наркоугрозой. Вроде и здесь цели у всех у нас общие, но альянс почему-то уходит от сотрудничества, хотя сложение потенциалов двух организаций, несомненно, существенно повысило бы эффективность усилий по искоренению наркоиндустрии.

В международных делах, как и во внутригосударственной жизни, демократизация означает выход на поверхность как позитивных, так и негативных тенденций. И в отдельных странах, и в мировой политике эффективно функционирующая демократическая система может быть создана только на основе сочетания прав и ответственности. Для этого требуются не только уважение закона, но и самоограничение, разумная сдержанность. Это – нравственные категории, и там, где они не срабатывают, демократические механизмы начинают давать сбой. Не случайно многие в такой законопослушной стране, как Великобритания, называют главными причинами недавнего всплеска уличного вандализма моральный нигилизм и разрушение традиционной системы нравственных ценностей. Все это, кстати, дает почву для рассуждений о том, что нынешние формы демократии – отнюдь не вершина достижений в области государственного управления. И речь здесь не только о регулировании Интернета для недопущения провокации беспорядков.

Остро необходимо укрепить нравственные основы как на национальном уровне, так и в международных отношениях. Все шире осознание опасности забвения нравственной природы человека, ценностей и норм, составляющих культурную основу общечеловеческой солидарности. Еще Освальд Шпенглер в его «Закате Европы» писал о том, что исторический процесс во многом определяется культурой, культурной

матрицей, а культура, в свою очередь, укоренена в религиозных воззрениях, включая легитимизацию соответствующих норм в обществе. С этим подходом не все согласны, однако повышение роли извечных нравственных ценностей, общих для всех мировых религий, – это объективная реальность эпохи глобализации, если мы не хотим скатиться к вседозволенности как внутри своих стран, так и в международных делах.

В ситуации, когда скачкообразное развитие информационных технологий способствовало разрушению жестких межнациональных перегородок, когда межгосударственные границы становятся прозрачными, когда резко возросли миграционные потоки, совершенно новое значение приобрела проблема сохранения этноконфессиональной идентичности, особенно на фоне снижения влияния светских идеологий, которые «правили бал» в XX веке.

Все это требует от политиков и дипломатов знать и понимать историю, нравственные ценности и традиции, составляющие духовную основу любой цивилизации. Без этого невозможно подступать к решению многих проблем международной жизни. Россия, используя свой уникальный опыт, выработанный столетиями на стыке континентов и культур, будет добиваться широкого сотрудничества в целях предотвращения междивизиационных разломов, формирования здоровой ценностной основы солидарных действий мирового сообщества.

Таковы главные вызовы современности. Они имеют долгосрочный характер, и их острота едва ли спадет, когда вы выйдете из стен МГИМО во взрослую жизнь. И неважно, где вы начнете свою карьеру – в МИДе, других государственных и правительственных учреждениях, бизнесе, науке, журналистике, вам никуда не уйти от поиска ответов на эти проблемы современного мира, если вы хотите стать настоящими профессионалами.

А.В.Торкунов в одной из своих статей писал, что МГИМО сверяет часы по Смоленской площади. А для нас на Смоленской взаимодействие с «Alma mater» было и остается важным компонентом «идентичности» дипломатического ведомства и, что не менее важно, – главным источником пополнения кадрового потенциала. Ведь и сегодня, когда времена закрытости МИДа давно ушли в прошлое, большинство выпускников вузов, поступающих на работу в Министерство – это воспитанники МГИМО и Дипакадемии. Поэтому нам так важно, чтобы вы знали, чем живет МИД. А для вас умение разбираться в хитросплетениях мировой политики обеспечит востребованность на любом выбранном вами поприще.

Хотел бы от души пожелать новых творческих успехов и всего самого доброго руководству, профессорско-преподавательскому составу и всем студентам МГИМО.

Lecture of Russian Minister of Foreign Affairs Sergei Lavrov, Delivered in MGIMO-University on September 1st 2011.